

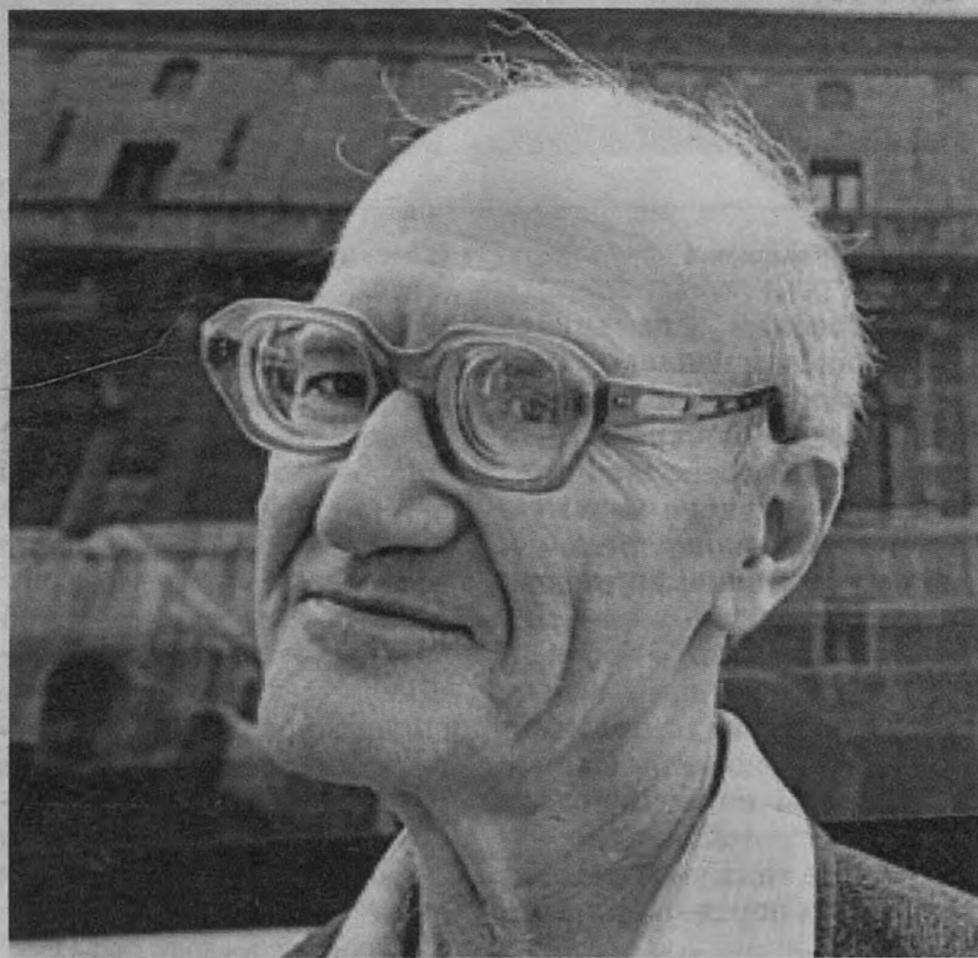
«Он — не школа, но образец»

Газета — 2005. — 09 июля. — с. 25.

Позавчера ушел из жизни один из столпов современной гуманитарной науки, крупнейший русский филолог, переводчик и стиховед **Михаил Гаспаров**. О нем «Газете» рассказал его коллега — доктор филологических наук, заведующий кафедрой античной культуры Российского государственного гуманитарного университета **Николай Гринцер**.

Гаспаров-ученый и Гаспаров-человек неразделимы. Несмотря на то что он производил впечатление затворника, погруженного в свои занятия — по крайней мере, в таком образе его часто представляли, — он был человеком невероятно деятельным. Может быть, именно в этом и состояло его главное, поразительное свойство. Он понимал, как необходимо, чтобы наука была в хорошем смысле слова популяризована, ориентировался на широкий круг людей, а вовсе необязательно на тех, которые должны быть, так сказать, адептами. Он и перево-

должал традиции классического образования, считая необходимым всегда говорить одновременно ясно и красиво. Говоря о довольно сложных материях, он объяснял все чрезвычайно просто. У него был поразительный риторический, ораторский дар, который важен, даже когда выступаешь перед не очень просвещенной аудиторией, и за это его очень любили. В науке он всегда держался, я бы сказал, немножко поодаль от всех — в стороне и от формальной школы, и от московско-тартуской. Семиотика и лингвистика во многом рассчитаны на создание научных школ, своего круга, разговаривающего на своем, только ему понятном языке. А Гаспарову, мне кажется, были несколько чужды рамки какой-либо школы. Он скорее являл пример того, как стоит заниматься своим делом, даже, казалось бы, столь отдаленным от сегодняшнего дня. Он — не школа, но образец. Официальной советской наукой он, безусловно, воспринимался как человек чуждый. Даже не потому, что

дил, и комментировал, всячески стараясь, чтобы античное наследие было понятно и интересно, чтобы древние авторы могли разговаривать с современным читателем, а современный читатель благодаря этому узнавал бы много нового. Поскольку Гаспаров придавал большое значение тому, чтобы иноязычные тексты — как античные, так и более поздние — были доступны русскому читателю, он пришел к стиховедению именно через перевод. То, что он переводил — античные тексты, тексты эпохи Возрождения, французская басня, — довольно сложно передавать на другом языке, и все это требовало осмысления самого стиха. Так что Гаспаров шел от практики. Совсем недавно вышли его экспериментальные переводы, в которых использованы нетрадиционные формы и размеры. Он написал «Занимательную Грецию», способствовал созданию новой античной кафедры в Российском государственном гуманитарном университете, за что я ему чрезвычайно благодарен (он, собственно, и был ее первым заведующим). Ему было важно, чтобы его труд не пропал не только для него, но и для всех остальных. Он на редкость естественно про-

он выражал что-то прямо противоречащее официальным установкам, а просто из-за его внутренней свободы и приверженности очень глубоким, давним традициям. Он был непонятен. Никаких политических выступлений он, по-моему, себе не позволял, занимался своим — благо античность в те времена была удобным «уголком», потому что там было больше свободы, чем в других гуманитарных областях. Благодаря своему предмету и большому кругу коллег, с которыми он мог беседовать на интересующие его темы, он существовал вполне спокойно. Хотя, надо сказать, всегда держался чрезвычайно честно, последовательно и порядочно (не случайно совсем недавно он счел необходимым выразить свое отношение к тому, что происходило вокруг ЮКОСа, подписав письмо в защиту Ходорковского, которое подписали и многие другие деятели культуры). Для меня Михаил Леонович был важен как тот, кто при всей своей высокой учености и невероятной образованности был близок к повседневной жизни. Он был человеком естественным, остроумным, ироничным — в том числе по отношению к самому себе и к своим занятиям, что большая редкость.